

ВЕРШИННЫЕ СОСТОЯНИЯ ДУХА

А.Н. Зелинская

ОТ СТРАДАНИЯ К СМЫСЛУ

Аннотация. Предметом исследования статьи является экзистенциализм как направление в современной западной философии, зародившееся в XX в. как стремление формирования нового миропонимания, чувствительного ко взглядам актуального человека; нашедшее признание и интерес в 40-60-х гг. Экзистенциализм – направление, впитавшее в себя всю боль и трагизм Второй мировой войны, отобразившее последствия глубокого психологического и социального кризиса жертв этой трагедии, возникшее как отклик на войну. Экзистенциальная ситуация, характеризующаяся крайностью, максимальной и запредельностью существования. Тема заброшенности человека – основная проблема философии экзистенциализма. Изучение проблемы представлено в виде анализа уже существующих по данной проблематике источников и обоснования собственных выводов по заявленной теме исследования. Страдание от жизни бессмысленной провоцирует поиск жизни осмысленной. Когда страдание – не бытовое несчастье, а вызвано реальными причинами, пробуждающими в человеке желание «не быть», будь то утрата близкого человека, отринутая любовь, предательство, вероломство, тогда оно становится благом. Опыт страдания заставляет человека глубже воспринимать реальность, жизнь становится сложнее, мир чувств более дифференцированным. Кто не страдал, тот и не может быть по-настоящему счастлив. Трагическая ситуация обязывает человека к осмысленности. Причины подсказываются самой жизнью. А смысл легче всего выводится, обретается там, где есть несчастье. Ведь трагическая история всегда абсолютно индивидуальна. Именно в трагической ситуации проблема осмысленности проявляется особенно остро.

Ключевые слова: страдание, смысл жизни, экзистенциализм, философия, психология, экзистенциальная ситуация, заброшенность человека, жизненный проект, счастье, горе.

Review. The subject under research is existentialism as the branch of contemporary Western philosophy that was created in the 20th century in response to the need for developing a new world perception that would be sensitive to the views of those times and became appreciated and popular in the 40s – 60s. Being a branch of philosophy, existentialism absorbed all the pain and tragism of the Second World War and reflected consequences of the intense psychological and social crises of victims of that tragedy. So-called existential situation is described in terms of extremity, maximality and transcendental existence. The theme of man's desolation is shown as the main problem of existential philosophy. The research of the problem is based on the analysis of existing sources on the problem and substantiation of the researcher's conclusions on the research topic. According to the results of the research, suffering from a meaningless life encourages us to search for a meaningful life. When suffering is not an everyday misfortune but caused by serious reasons such as loss of a loved one, unhappy love, betrayal or treachery, it can become a blessing. When suffering, we start to take the world and life more seriously and our feelings and emotions become more differentiated. The one who has never grieved does not know true happiness. Tragic situations oblige to lead a more sensible life and life itself gives the answers to all questions. The meaning can be found easier when there are grief and unhappiness. Tragic stories are absolutely for everyone. In a tragic situation the problem of meaning becomes especially acute.

Keywords: meaning of life, existentialism, psychology, philosophy, existential situation, man's desolation, happiness, life project, grief, suffering.

«Я страдаю, значит, я существую... Страдание есть основной факт человеческого существования. Судьба всякой жизни в этом мире»¹.

(Н.А. Бердяев)

Горе и счастье – вечные спутники человеческой жизни. Переключка этих крайностей слышна

на протяжении всей жизни. Неотступно следуя за человеком, одна порождает другую, то возвышая, то уничтожая его. Кто не страдал, тот и не был по-настоящему счастлив. Именно в контрастности этих чувств человеку открывается жизненное удовлетворение.

Счастье – бездонный источник человеческой силы. Эти ускользающие мгновенья захватывают и воспаляют, пробуждая вдохновение и разжигая жизненную искру, изменяют представления человека о собственной состоятельности. Горе – рас-

¹ Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Гл. V. Страдание. (URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyayev/berdyayev_n_ekzistencialn/5).

садник человеческой слабости, опустошенности и расколотости. Горестями усеян весь жизненный путь человека. Движение по жизни не предполагает безмятежное скольжение, устремлённый полёт или порыв. Пробираясь сквозь жизненные тернии, мы то взмываем вверх, то разбиваемся о землю, не в силах уберечь надежды и стремления, обнаруживая в своём падении ошибочность и иллюзорность ориентиров, пытаемся задаться целью и обрести новые смыслы.

Счастье не требует душевного напряжения, оно вообще больше даёт, чем требует. Горе же вызывает, провоцирует, побуждает, врывается без стука и не торопится уходить. Это вызов, требование, поединок с самим собой. Горе пронизано одиночеством. Мы одиноки в горе. Но «одиночество горя» зарождается не в отсутствии сочувствующих, а обуславливается внутренней сосредоточенностью и всецелостью погружения в страдание, в котором человек начинает звучать в унисон со своей душой. Сонастроенность, зарождающаяся в этом звучании, настолько самодостаточна, что порой к ней нечего добавить даже самым близким и дорогим сердцу.

В акте «горевания» происходит обнажение и аккумуляция дремлющей силы, обнаружение потенций. Открываясь страданию, впуская его в свою жизнь, человек поворачивается лицом к самому себе, взывает к своей сути, обретает себя. Страдание – возможность выбраться из собственной кожи, преодолеть границы, вздохнуть полной грудью. В любой ситуации, даже самой трагичной, кроется потенциал. Превозмогая себя, поднимаясь над собственным бессилием, человек расширяет жизненный горизонт, реконструирует основания, постигая тем самым новые смыслополагания.

«Только испытав страдания, узнал я близко сродство человеческих душ между собою. Стоит только хорошенько выстрадаться самому, как уже все страдающие становятся тебе понятны. Этого мало, – самый ум проясняется: дотоле скрытые положения и поприща людей становятся тебе известны, и делается видно, что кому нужно. Велик Бог, нас умудряющий. И чем же умудряющий? Тем самым горем, от которого мы бежим и хотим скрыться. Страданиями и горем определено нам добывать крупички мудрости, неприобретаемой в книгах»².

Вынимаемый на удачу жребий неожиданно заявляет о себе, определяя исход человеческой жиз-

ни. Судьба подстерегает на каждом шагу, внезапно и решительно склоняет чашу весов, приводя в исполнение приговор. Знание о том, что и с кем произойдет, не продиктовано логикой, не исчерпывается эмоциональным постижением. Оно исходит изнутри и растворяется вовне. Как непредвиденно обрываются судьбы людей, какие непохожие ситуации наполняют жизнь, поражающую многоликостью страданий и счастья. «Судьба – великий режиссер» Темирлан Дукашев.

Преодолевая себя, одерживая победу над слабостью, проходя сквозь собственный страх, очищаясь тем самым от пустых верований, напрасных ожиданий, бесплодных умозаключений, человек освобождается для счастья. Беда взывает к естеству, целостности человека, фарисейство праздной жизни непреложно терпит крах. В постижении себя нет места для жеманства. Горе и счастье подобно проявляющему веществу фенидону, обнаруживают человека в его достоверности и «неприкрашенности».

«Жизнь мира драматична, полна трагизма. В ней есть противоборство противоположных начал – жизни и смерти, добра и зла, свободы и рабства»³.

Но и сам человек неоднороден. Находясь в плену инстинктов, обслуживая их, он обнаруживает в себе зачатки души, ростки духовности. Наступает момент, когда праздное бурление жизни уже не способно удовлетворить взыскательность участника этой бытийности. Ещё не зная, почему и откуда, человек начинает осознавать, что его пребывание в этом мире не исчерпывается удовлетворением инстинктуальной запрограммированности. Интуитивное стремление к чему-то большему, нежели к удовлетворению чувства голода и инстинкта продолжения рода, пробуждает в человеке стремление к чему-то ещё пока неведанному, но уверенно присутствующему за пределами блеклой повседневности и обыденности. Этого ещё нет в наличном опыте, есть лишь акварельное обозначение, мерцающее на жизненном горизонте. Но, несмотря на собственную неуловимость и призрачность, оно уже находит отклик в душе, заражает её беспокойством и обжигает сомнением. Оставаясь с человеком навсегда, оно меняет лики, то обнаруживая настойчивость, то позволяя забыться в насущной суетности и незначительности каждодневности.

² Толстой Л.Н. Путь жизни. М.: Высшая школа, 1993. С. 418.

³ Гуревич П.С. Психоанализ. Т. 2. Современная глубинная психология. М.: Юрайт, 2013. С. 141.

Суета мучительна. Суета – бесплодное топтание на месте, движение в одной плоскости. Жажда смысла – есть точка опоры над суетой. Смысл – это не то, что задаётся мыслью и объясняется словесностью, это скорее ощущение, пульсирующее чувство, жажда и готовность к преодолению, уверенность в безусловной необходимости и значимости своих стремлений. Это вера, истина, выросшая из естества человека, согретая лучами его внутреннего света, омытая слезами невысказанной боли, исполненная силой страдающего сердца. Это то, что выпрямляет, наделяет бесстрашием и трезвостью; и даже в условиях вопиющей несправедливости, жестокости и невыносимости существования позволяет сохранить жизнь в своей направленности на реализацию этой осмысленности.

Об этом свидетельствует весь опыт экзистенциализма. «Экзистенциализм – (философия существования) – направление в современной западной философии, возникшее в XX в. как попытка создания нового мировоззрения, отвечающего взглядам человека сегодняшнего дня, пользовавшееся большим влиянием в 40-60-е гг. Идейные истоки экзистенциализма – философия жизни, феноменология Гуссерля, религиозно-мистическое учение Кьеркегора»⁴.

Экзистенциализм – философское направление, впитавшее в себя всю боль и трагизм Второй мировой войны, отобразившее последствия глубокого психологического и социального кризиса жертв этой трагедии, возникшее как отклик на войну. Оно, по определению, не может быть оптимистичным, в нём нет утешения. Жизнь не являет собой некий идеал. После Освенцима, Дахау, Бухенвальда нельзя философствовать, как прежде, сопоставлять философские взгляды без учёта этого исторического контекста, потому что концентрационная действительность показала, что жизнь человеческая ничего не стоит. Весь опыт экзистенциализма указывает на то, что человек одновременно и вероломный разрушитель, и жертва разрушения. Человеческая жизнь – это вечная борьба благородных и низменных мотивов, обязанности и желания, долга и совести. Развёртывание этих противоречий спонтанно и неожиданно. В какую сторону качнется маятник, что выйдет на поверх-

ность и окажется решающим в принятии решения, предугадать непросто.

Можно ли было предвидеть, что нация, подарившая миру гениев философии, литературы, искусства, не устоит перед безумной идеей умерщвления народов ради собственного процветания и господства? Фашизм, околдованный манией смерти, решительно зашагает по планете, неся разрушение, уничтожая всё на своём пути. Можно ли было после опыта холокоста не потерять веру в человечность?

Такие впечатления отягощают разум. Попытка дать окончательный ответ превращается в бесконечный поиск. Да и есть ли он, окончательный ответ? Можно ли дать однозначное определение тому, что, являясь индивидуальным актом «поступления» и частным выбором, легло общим грузом на плечи истории? Весь опыт холокоста – это пропасть индивидуально принятых решений, исполненного выбора, маячащей свободы и внутренней капитуляции, царящей бессмысленности и мелькающего смысла – все эти экзистенциалы отзвучали в этой трагедии во всей предельности.

Экзистенциальная ситуация характеризуется крайностью и максимальной степенью. Это всегда одоление себя, преодоление своей природы, «запредельное» существование, раскрывающее донныне неведомые потенции; обретение перерождённого себя за пределами привычных граней существования. В этих условиях человек оказывается перед лицом собственной слабости и обретает безграничную силу – силу Духа. Ощущая как никогда уязвимость и слабость телесную, он обретает силу духовную.

Л.Н. Толстой писал: «Тот, кто молод и мало испытал, не знает того, что узнают старые люди опытом, – не знает того, что всё, что нам неприятно, тяжело, что всё, что называется горем, всё это настоящее добро, что всё это только испытание, проверка того, насколько мы тверды в том, что знаем и исповедуем. А если мы нетверды, то эти испытания нужны нам для того, чтобы сделать нас твердыми»⁵.

Опыт холокоста убедил, что в этой бездне человеческих трагедий, поруганных жизней, поломанных судеб, было место не только смерти и разрушению, но и человеческому подвигу. Попытки, голод, болезни, эмоциональные разрушения открыли двери смерти для многих. «Обычно выжидали только те заключённые, кто после долгих

⁴ Гайденко П.П. Философский словарь. 8-е изд., дораб. и доп. / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика; Современник, 2009. С. 804.

⁵ Толстой Л.Н. Путь жизни. М.: Высшая школа, 1993. С. 418.

лет заключения и перебросок из лагеря в лагерь избавлялся от всех остатков угрызений совести в своей борьбе за существование; они были готовы воспользоваться любыми средствами, честными и нечестными, грубой силой, воровством и предательством друзей, чтобы спасти себя. Мы, уцелевшие с помощью многих счастливых случайностей, или чудес – можно называть это как угодно, знаем: лучшие из нас не вернулись»⁶, – написал в работе «Человек в поисках смысла» В. Франкл – узник нацистских лагерей на протяжении 3 лет.

Экзистенциализм, отобразивший опыт фашизма, подобно увеличительному стеклу, обнажил и углубил проблему трагичности жизни. Концлагерь не являл собой образец достойного общества с правильно сбалансированными нравами и мотивами. Скорее наоборот, он стал воплощением донныне дремлющих, сдерживаемых барьерами социальных норм низменности, подлости, мелкости человеческой природы. Имея все основания для провоцирования распада личности, проявления её асоциальной стороны, лагерь ставил своей целью убить всё человеческое в человеке. Ни кем не быть. Отказаться от прошлого и забыть о будущем. Стать лишь вытатуированным на коже номером, несущим свою повинность. Что стояло за этим номером? Жизнь конкретного человека с её радостями и горестями, с её взлетами и падениями, приобретениями и утратами. Всё это существовало уже отдельно, было оставлено за захлопнувшими воротами концлагеря. Умер человек и появился номер. Не важно мёртвый или живой, всего лишь номер – дань статистике.

Концентрационная действительность пробуждала низменные порывы, животные стремления, бесчестные желания. Нужно было заботиться о физическом выживании любой ценой. И лишь социальный опыт, сила духа и нерушимость характера помогала устоять перед деструктивностью, асоциальностью, разрушением вокруг и внутри.

Попадая в среду жесточайших лишений и испытаний, узнику предстояло пережить резкие перемены от свободы к ограничению. Приспособление к этой среде требовало формирования внутренних запретов на привычные нормы жизнедеятельности, отказа от избранных святынь – ценностей, выработки набора внутренних команд, способствующих выживанию.

Оказавшись в концлагере, узник оказывался в ситуации заброшенности, которая в большинстве случаев приближала быстрый исход. Заброшенности не физической, а экзистенциальной. «Сильнейшим мотивом к выживанию может быть то, ради чего человек готов остаться в живых любой ценой. Например, это может быть сильная привязанность к любимым людям – к родителям, супруге, детям, ради встречи с которыми человек готов выживать в самых нечеловеческих условиях. И здесь пролегал кардинальное различие между обычным лагерем для военнопленных и лагерем уничтожения. В последнем случае не остается и малейшей надежды на встречу с близкими. Ведь в лагерь попадают в результате специального отбора, при этом устанавливается очередь – кого умертвить раньше, а кого позже. И человек знает, что его жена и дети также попадут в газовую камеру. И в таком случае очень тяжело найти в себе силы бороться за жизнь»⁷.

Возникает вопрос, что должен делать человек, оказавшись в этой экзистенциальной ситуации? Должен ли он выбрать смерть, потому что жизнь всё равно не насыщена экзистенциально или найти в себе силы, и преодолевая обстоятельства, стать достойным этой жизни? Стоит ли жизнь труда быть прожитой? Ведь она исполнена множеством напастей: болезни, утраты близких, крушение надежд, неоправданность ожиданий – все эти злключения – вечные спутники жизни. «Здесь, на земле, нет и не должно быть покоя, потому что жизнь – это приближение к цели, которой никогда нельзя вполне достигнуть. Покой безнравственен. Я не могу сказать, в чём эта цель; но какая бы она ни была, она есть, и мы знаем, что мы приближаемся к ней. Без этого приближения жизнь была бы бессмыслица и обман. Приближаемся же мы к этой цели только своим усилием»⁸.

Проходя через боль, горечь, отчаяние, впуская в свою жизнь беды и несчастья, человек открывается новому трагическому мировоззрению. Допустимость лишений, боли, страдания принятия этих горестных проявлений жизни позволяет увидеть её полноту и глубину. Отрицать наличие страдания бессмысленно. Жизнь убеждает внушительными примерами. Избегание опыта трагедии позволяет лишь на некоторое время отсрочить его вторже-

⁶ Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 10.

⁷ Беттельхейм Бруно. Просвещённое сердце. (URL: <http://ihavebook.org/books/11794/prosveshchennoe-serdce.html>). С. 9.

⁸ Толстой Л.Н. Путь жизни. М.: Высшая школа, 1993. С. 309.

ние. Кто не страдал, тот и не был по-настоящему счастлив. Подобно тому, как на фоне чёрного мы убеждаемся в существовании белого, в томлении страданием, мы прозреваем для упоения счастьем. Не отзываясь, не проживая опыт страдания жизни, мы блокируем и проникновение в неё счастья. Подобно «человеку в футляре» А.Н. Чехова, помещая эмоции и чувства в футляр, не давая им воли и спонтанности проявления, заковываем себя в непроницаемую оболочку, исключая реакции на окружающий и внутренний мир. Просто существуем, как физиологическая единица, не чувствуя ни радости, ни горя.

Фома Кемпийский отмечает: «Благо для человека переносить несчастья этой земной жизни, ибо это влечет его в священное уединение его сердца, где он находит себя как бы изгнанником из своей родной земли и обязанным не доверяться никаким мирским радостям. Благо для него также встречать противоречия и упреки, когда о нём дурно думают, говорят, хотя бы намерения его были чистыми и поступки правильны, ибо такой образ действий держит его в смирении и является противоядием пустой славы. Благо же это, главным образом, потому, что мы можем беседовать со свидетелем внутри нас, который есть Бог, беседовать тогда, когда нас в миру презирают, не уважают и лишают любви»⁹.

«Вхождение» в страдание провоцирует усердную работу над собой, стремление разобраться в последствиях поступков, наделяет чёткостью и ясностью понимания того, чем наполнена жизнь. Счастьем человек просто наслаждается, подобно Хлестакову – герою комедии Н.В. Гоголя «Ревизор», «срывает цветы удовольствия»¹⁰. Счастье затуманивает разум, это миг безумия, состояние «неума». Мгновенья счастья – это лишь маленькие островки в океане жизни, дающие человеку временный приют, подобно капле надежды, сверкнувшей в бушующем море отчаяния.

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему»¹¹. Трагический опыт всегда индивидуален, сопряжён с частным поиском, внутренней взыскательностью и нравственной высотой, на которой

находится человек. Беду встречает конкретный человек и именно ему и нести ответ перед ней. Нет возможности перепоручить поиск решения другому, только личное участие и причастность. Именно здесь и начинается проявление неожиданных сторон личности. В чём будет достигнуто удовлетворение и возможно ли его достижение.

Что может стать живительным для человека, наполнить его витальной энергией и дать силы бороться? В. Франкл – создатель логотерапии, основанной на анализе смыслов существования, – спрашивал своих пациентов, находившихся на развилке жизненного пути, исполненного тяжелыми муками и сомнениями: «Что удерживает Вас от самоубийства?». Ответы были разнообразными, как и сама жизнь. «У одного из них – любовь к детям; у другого – талант, который очень жаль не использовать; у третьего – может быть, только драгоценные воспоминания»¹².

Что заставляло узников, попадая в условия несправедливости, подавления и уничтожения, бороться за свою жизнь, находить в себе силы противостоять жестокости и несправедливости? «Мысль о самоубийстве приходила в голову почти каждому, хотя бы на короткое время. Она возникла от безнадежности положения, постоянной угрозы смерти, висящей над нами ежедневно и ежечасно, и многочисленных смертей вокруг нас. По личным убеждениям, о которых я упомяну позже, я в первый же вечер в лагере твёрдо пообещал себе, что не буду «кидаться на проволоку». Эта фраза использовалась в лагере для описания наиболее популярного способа самоубийства – дотронуться до колючей проволоки забора, которая находилась под высоким напряжением»¹³.

Согласно А. Камю: «Самоубийство – согласие с собственными пределами»¹⁴. Работа «Бунтующий человек» построена на идеях оправдания самоубийства, его желательности. В акте самоубийства человек выражает свой протест абсурдности происходящего вокруг. Безусловно, эта работа – не инструкция к действию, а попытка преодолеть абсурдность жизни абсурдностью же. Чем можно ответить на абсурдность жизни? Актом самоубий-

⁹ Там же. С. 413.

¹⁰ Гоголь Н.В. Ревизор. 1836. Действие 3, явление 5. «Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия». (URL: http://modernlib.ru/books/gogol_nikolay_vasilevich/revizor/read/).

¹¹ Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.: Правда, 1987. С. 5.

¹² Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 2.

¹³ Там же. С. 58.

¹⁴ Камю А. Бунтующий человек / Пер. с франц. И.Я. Волевич, Ю.М. Денисов, А.М. Руткевич, Ю.Н. Стефанов. М.: Изд-во политической литературы, 1990. С. 37.

ства. Мысль заострена полемически. На долю человека выпадает множество напастей, трудностей, лишений, разного рода катастроф – абсурдно мирится с этим и продолжать жить. Но и лишать себя жизни абсурдно. Поэтому я отвечаю абсурдом на абсурд. Каждый выбирает свой жизненный проект, расставляя акценты, обозначает стержневую линию жизни. Человек свободен, предельно свободен в этом выборе. Он может выбрать и смерть, сознательно отказаться от жизни. Может выбрать жизнь, лишённую смысла и продолжать жить, и никто не сможет подсказать, как нужно жить. А может примириться с трагизмом жизни и попытаться отыскать в ней смысл.

Всё это – сфера человеческого выбора. Экзистенциальная ситуация, характеризующаяся своей предельностью, обнаруживает пристальность в оценке происходящего, открывает те сферы жизни, до которых человек, в силу узости повседневного опыта, и не добирался бы, живя по инерции, не делая ничего, чтобы изменить жизнь. И именно трагическая ситуация, столкновение с болью, утратой, горем пробуждают трезвое мировоззрение и провоцируют выбор. Выбор индивидуальный, личностный, не хранящийся в картотеке; выбор, являющийся безоговорочной экзистенциальной привилегией человека.

Если даже абстрагироваться от концентрационной действительности, очевидность трагичности жизни обнаруживает себя повсюду. Жизнь сама по себе трагична – она заканчивается смертью. Немецкий мыслитель Ф. Ницше в работе «Так говорил Заратустра» рассуждая о свободной смерти, пишет: «Многие умирают слишком поздно, а некоторые – слишком рано. Ещё странно звучит учение: «Умри вовремя!». Умри вовремя – так учит Заратустра. Конечно, кто никогда не жил вовремя, как мог бы он умереть вовремя? Ему бы лучше никогда не родиться! – Так советую я лишним людям»¹⁵. Рождаясь, человек неизбежно попадает в экзистенциальную ситуацию, пройдет ли он через неё или свернет на повороте жизни – выбор. Принимать вызов, проходить сквозь боль и утраты или быть сторонним наблюдателем собственной жизни, жить поодаль, с краю, лишь обозначая существование приёмом пищи и обслуживанием прочих физиологических нужд организма – всё это пространство человеческого выбора.

¹⁵ Ницше Ф. Соч. в 2 т. Т. 2 / Пер. Ю.М. Антоновского. Под ред. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1990. С. 35.

«Человек – это состояние усилия быть человеком»

(Мераб Мамардашвили)

Властолюбие, гордость, корыстолюбие, гнев, любовострастие, месть... – всё это «очарование» можно встретить в одном человеке. В сердце есть место для всего. Человек живёт в миру страстей и пороков, мучающих, обессиливающих, бесплодно опустошающих и уничтожающих его. Попадая в ловушки мыслей, чувств, верований, человек обрекает себя на блуждание и развенчивание иллюзий. Путь к счастью усеян душевными отступлениями, слабостями и противоречиями, раздирающими изнутри.

«Чтобы полюбить человека, надо, чтобы тот спрятался, а чуть лишь покажет лицо своё – пропала любовь»¹⁶.

Погружаясь в мир переживаний, человек уничтожается в собственном бессилии и возвышается в лести самомнения. Встреча с самим собой, не в бурлящей повседневности, а в пределах собственной души – источник ещё больших душевных мук, нежели осознание призрачности и фантомности существования. Что может стать спасительным? Очистить душу от примеси низменных порывов и стремлений, выбить невротический фундамент из-под ног? Ускользящие мгновения счастья мнят своей мимолетностью, вязкое, неотвязное прискорбие пугает своей нескончаемостью. Фундамент – жизненный каркас не вырастает из беззаботности счастливого порхания; тоска, боль, злоключения – скрепляют и упрочняют внутреннюю силу. В счастье человек пожинает, но не сеет.

«Самоотречение освобождает людей от грехов, смирение – от соблазнов, правдивость – от суеверий. Но для того, чтобы человек мог отречься от похотей тела, смиряться перед соблазнами гордости и проверять разумом запутывающие его суеверия, он должен делать усилия. Только усилиями сознания может человек избавиться от грехов, соблазнов и суеверий, лишаящих его блага»¹⁷.

У нас у всех в равной степени есть потребность в воздухе, пище, воде – это обнаруживает сходство, единство в слабостях и зависимостях. Человек из плоти и крови. Безусловно, порой он вынужден думать просто о физическом выживании. Но даже

¹⁶ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Часть вторая. Книга пятая. Глава IV. Бунт. (URL: <http://ilibrary.ru/text/1199/p.36/index.html>).

¹⁷ Толстой Л.Н. Путь жизни. М.: Высшая школа, 1993. С. 309.

тогда, когда потребности и желания человека удовлетворены, он не освобождён от опустошённости и прожигающего чувства одиночества, невосполненности, покинутости.

Человек заброшен в этот мир не по своей воле. А уж если он родился – экзистенциальной ситуации не избежать. Жизнь, смерть, свобода, выбор, любовь, одиночество, страх – все эти экзистенциалы, наполняющие жизнь. Особенностью экзистенциального чувства является то, что его нельзя перепоручить другому, оно незаменимо. Нельзя родиться за другого человека, нельзя полюбить за другого, перепоручить смерть другому.

Когда человек умирает, он, подобно герою рассказа Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», начинает понимать, что есть такой значимый момент жизни, как смерть. Живя, мы знаем, что люди умирают, но понимаем смерть отвлечённо. Подлинное понимание смерти приходит лишь на смертном одре, в момент личной встречи, в полном одиночестве. Это акт сугубо индивидуальный.

«Нельзя было себя обманывать: что-то страшное, новое и такое значительное, чего значительнее никогда в жизни не было с Иваном Ильичом, совершалось в нём. И он один знал про это, всё же окружающие не понимали или не хотели понимать и думали, что всё на свете идёт по-прежнему. Это-то более всего мучило Ивана Ильича... А наутро надо было опять вставать, одеваться, ехать в суд, говорить, писать, а если и не ехать, дома быть с теми же двадцатью четырьмя часами в сутках, из которых каждый был мучением. И жить так на краю гибели надо было одному, без одного человека, который бы понял и пожалел его»¹⁸.

Жизнь для всех остальных, действительно, шла своим чередом. Врачи, посещавшие Ивана Ильича, выполняли свой профессиональный долг, сознание жены было занято повседневными заботами, дочь готовилась выйти замуж, сын – закончить гимназию, коллеги были озабочены получением освобождающегося места. Умирал Иван Ильич, это касалось только его.

«Трое суток ужасных страданий и смерть. Ведь это сейчас, всякую минуту может наступить и для меня», – подумал Пётр Иванович, и ему стало на мгновение страшно. Но тотчас же, он сам не знал как, ему на помощь пришла обычная мысль, что это случилось с Иваном Ильичом, а не с ним и что с ним это-

го случиться не должно и не может; что, думая так, он поддаётся мрачному настроению, чего не следует делать, как это очевидно было по лицу Шварца. И, сделав это рассуждение, Пётр Иванович успокоился и с интересом стал расспрашивать подробности о кончине Ивана Ильича, как будто смерть была такое приключение, которое свойственно только Ивану Ильичу, но совсем не свойственно ему»¹⁹.

Человек одинок не только в акте смерти, но и в других экзистенциальных ситуациях. Живя в обществе, где подсказываются разные стереотипные решения, примираются социальные маски, человек не может убежать от себя, он обречён на одиночество в толпе. Экзистенциализм предлагает трезво, мужественно, последовательно продумать тему заброшенности человека, погружённости его в трагедию и задуматься, стоит ли жизнь быть прожитой. А если стоит, то какой должна быть эта жизнь.

Никто не решит эту проблему за человека. Ожидание – бессмысленно. Выбор всегда индивидуален, даже отказ от него – тоже выбор. В ситуации заброшенности никто не даёт человеку спасительной альтернативы. Он сам должен сделать выбор.

Карлейль замечает: «В тебе знание того, в чем высшее совершенство. В тебе же и препятствия к достижению его. Твое положение – это то самое, над чем ты должен работать, чтобы приблизиться к совершенству»²⁰.

Удерживать нити осмысленности непросто, это требует участливости и внутреннего напряжения. Слишком много соблазнов подстерегает человека на этом пути. Растворение в социуме – уход от самого себя, служение притворным интересам, поклонение мнимым идеалам, сотворенным кумирам, гламурному пустозвону... Всё это позволяет избежать личной ответственности, обязательств перед жизнью. Пристальное внимание к собственной судьбе подменяется интересом к чужой жизни. Там, где начинается сфера ответственности за содеянное, вырастают горы инфантилизма и неспособности нести ответственность за свою жизнь. В толпе проще спрятаться, сравняться с общей массой. Никем не быть. Просто вжиться в эту общность и стать частью целого. Подменить жизнь духовную жизнью общественной. Думать как все, чувствовать в такт со всеми. Просто быть, не обременяя это «бытование» индивидуаль-

¹⁸ Толстой Л.Н. Собр. соч. в 12 т. Т. 11. Рассказ «Смерть Ивана Ильича». М.: Правда, 1987. С. 82.

¹⁹ Там же. С. 43.

²⁰ Толстой Л.Н. Путь жизни. М.: Высшая школа, 1993. С. 316.

ными характеристиками, частными подробностями и субъективными проявлениями.

«И чем спокойнее, чем более размеренна и упорядочена внешняя жизнь, чем более она занята текущими земными интересами и имеет удачу в их осуществлении, тем глубже та душевная могила, в которой похоронен вопрос о смысле жизни»²¹.

В социальной стертости есть свои маленькие радости. На смену одной условности приходит другая. Вращение «колеса жизни» обеспечивает призрачную динамику, развитие. Растворение в будничных мелочах и пустяках позволяет крутиться «колесу» быстрее. Но есть один врожденный недостаток – жизнь проходит в недовольстве жизнью.

«В городе несчастным людям жить лучше. В городе человек может прожить сто лет и не хватиться того, что он давно умер и сгнил. Разбираться с самим собой некогда, все занято. Дела, общественные отношения, здоровье, искусства, здоровье детей, их воспитание»²².

День прошёл. Он возврату и обмену не подлежит. С этим днём прошла и часть жизни. Время, подобно водовороту, в котором происходит слияние двух течений – прошлого и будущего, жадно проглатывает настоящее. Убегающие минуты не остановить, события ещё вчерашних дней удаляются всё дальше, сменяются другими, становясь уже чем-то далеким, растворяются во временной пропасти, забываются, отодвигаются на чердаки сознания.

Время неумолимо. Сглаживая различия, оно идёт своим ходом, не оглядываясь назад. Перед временем всё равны. Статус, деньги, регалии не в силах повернуть стрелки часов вспять. Чему мы посвящаем мгновения жизни? Чему служим, распоряджаясь часами и минутами?

*«Что войны, что чума? – конец им виден скорый,
Им приговор почти произнесен.
Но кто нас защитит от ужаса, который
Был бегом времени когда-то наречен?»
(Анна Ахматова. «Бег времени»²³)*

Проглатывая секунды, минуя мгновения, отдаваясь бегу времени, мы пробегаем собственную

²¹ Франк С.Л. Смысл жизни // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 6.

²² Толстой Л.Н. Крейцеров соната. Глава XVIII. С. 10. (URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0240.shtml).

²³ Ахматова А. Бег времени. (URL: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/ahmatova17.html>).

жизнь, а позади остаётся лишь беговая дорожка. А ведь каждый миг жизни, взятый в отдельности, может стать событием. Умирая, человек вспоминает эпизоды, которые казались такой мелочью, и только лишь на смертном одре он понимает, сколько было в них осмысленности и значимости.

Свист пролетающей мимо пули обнаруживает значимость секунды. Поезд, ушедший по расписанию, – важность минуты. Ребёнок, родившийся восьмимесячным, – ценность месяца. Годовщина смерти близкого человека безжалостно напоминает о секундах, минутах, неделях уже невозможного счастья. Мы каждый день заняты чем-то и жизнь утекает сквозь повседневность. Необратимость этого процесса выступает в качестве давящего начала. Вопрос не в том, возможно ли остановить «бег времени», а в том, что можно успеть в отведённый срок.

Каждый человек вне зависимости от уровня своего развития и обогащения наделён способностями и талантом, он в чём-то уникален и неповторим. Умение выстроить свою жизнь, расставить в ней приоритеты, подчинить её какой-то цели, направленности – это тоже талант. Вопрос предназначения не выводится логикой ума, а скорее продиктован зовом сердца. Что одержит вверх в борьбе мотивов, каким будет исход, чему будет подчинена последующая жизнь – всё это определяется выбором, продиктованным частными стремлениями и желаниями.

«Дело человека должно быть продолжением его личности. Выбор дела не должен зависеть от случая, удобства или выгоды, но должен исходить из того, насколько прямо он ведет к самореализации человека в нашем мире, так что в самих результатах такой деятельности будет сказываться как объективная целенаправленность, так и внутренняя целеустремленность, осмысленность жизни»²⁴.

Осознание конечности того, что время идёт и каждый день приближает нас к смерти, ещё раз подчеркивает трагичность жизни. Всякая жизнь трагична – она заканчивается смертью. Столкновение с трагизмом сопряжено с вопрошанием. Вопрошание – естественная способность и потребность человека. Происходящее вокруг не проходит бесследно, оставляя отклик в душе, провоцирует вопросы. Для чего я живу? Я живу для того, чтобы

²⁴ Беттельхейм Бруно. Просвещённое сердце. (URL: <http://ihavebook.org/books/11794/prosveschennoe-serdce.html>). С. 13.

жить... испытывать радость, преодолевать трудности, радоваться свершениям, горевать о лишениях, принимать невзгоды и неизбежно приближать свою кончину. Но есть ли какое-то предназначение, замысел в моём появлении? Есть ли смысл? Незнание и непонимание обрекает человека на мучение. Страдая от бессмысленности, он пытается отыскать смысл, как погибающий – спасения.

«Русский человек страдает от бессмыслицы жизни. Он остро чувствует, что, если он просто «живёт, как все» – ест, пьёт, женится, трудится для пропитания семьи, даже веселится обычными земными радостями, он живёт в туманном, бессмысленном водовороте, как щепка уносится течением времени, и перед лицом неизбежного конца жизни не знает, для чего он жил на свете. Он всем существом своим ощущает, что нужно не «просто жить», а жить для чего-то»²⁵.

Страдание от жизни бессмысленной провоцирует поиск жизни осмысленной. Когда страдание – не бытовое несчастье, а вызвано реальными

причинами, пробуждающими в человеке желание «не быть», будь то утрата близкого человека, отринутая любовь, предательство, вероломство, тогда оно становится благом. Опыт страдания заставляет человека глубже воспринимать реальность, жизнь становится сложнее, мир чувств более дифференцированным. Кто не страдал, тот и не может быть по-настоящему счастлив. Трагическая ситуация обязывает человека к осмысленности, причины подсказываются самой жизнью. А смысл легче всего выводится, обретается там, где есть несчастье. Ведь трагическая история всегда абсолютно индивидуальна. Именно в трагической ситуации проблема осмысленности проявляется особенно остро. Жизнь человеческая, исполненная телесными и душевными страданиями, способная оборваться в любую секунду, насыщенная горестями и несчастьями, может, благодаря усилию и преодолению, оказаться даром, а может стать досадным приобретением, повинностью, растянутой на долгие годы.

Список литературы:

1. Ахматова А. Бег времени. (URL: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/ahmatova17.html>).
2. Беттельхейм Бруно. Просвещённое сердце. (URL: <http://ihavebook.org/books/11794/prosveschennoe-serdce.html>).
3. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Гл. V. Страдание. (URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyayev/berdyayev_n_ekzistencialn/5).
4. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 366 с.
5. Гайденко П.П. Философский словарь. 8-е изд., дораб. и доп. / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Республика; Современник, 2009.
6. Гоголь Н.В. Ревизор. 1836. Действие 3, явление 5. «Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия». (URL: http://modernlib.ru/books/gogol_nikolay_vasilevich/revizor/read/).
7. Гуревич П.С. Психоанализ. Т. 2. Современная глубинная психология. М.: Юрайт, 2013. 564 с.
8. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Часть вторая. Книга пятая. Глава IV. Бунт. (URL: <http://library.ru/text/1199/p.36/index.html>).
9. Камю А. Бунтующий человек / Пер. с франц. И.Я. Волевич, Ю.М. Денисов, А.М. Руткевич, Ю.Н. Стефанов. М.: Изд-во политической литературы, 1990. 296 с.
10. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Пер. Ю.М. Антоновского. Под ред. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1990. 175 с.
11. Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.: Правда, 1987. 495 с.
12. Толстой Л.Н. Крейцеров соната // Толстой Л.Н. Собр. соч. в 12 т. Т. 11. М.: Правда, 1987. Глава XVIII. С. 97-173. (URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0240.shtml).
13. Толстой Л.Н. Путь жизни. М.: Высшая школа, 1993. 527 с.
14. Толстой Л.Н. Смерть Ивана Ильича // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 12 т. Т. 11. М.: Правда, 1987. С. 42-97.
15. Франк С.Л. Смысл жизни // Вопросы философии. 1990. № 6.
16. Зелинская А.Н. Смысл жизни как человеческий экзистенциал // Психология и психотехника. 2013. № 6. С. 529-535. (DOI: 10.7256/2070-8955.2013.6.6995).
17. Елисеева Н.В. Пограничные ситуации в экзистенции // Психология и психотехника. 2013. № 4. С. 328-337. (DOI: 10.7256/2070-8955.2013.04.3).
18. Гуревич П.С. Рам Дасс: Тонкое равновесие сострадания // NB: Психология и психотехника. 2013. № 7. С. 41-76. (DOI: 10.7256/2306-0425.2013.7.10432. URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_10432.html).
19. Вайнштейн А. «Когда точка в самом начале» (или актуальные рассуждения на далекую тему) // Психология и психотехника. 2010. № 6. С. 9-31.

²⁵ Франк С.Л. Смысл жизни // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 8.

20. Ли С.М., Логинова Е.Г. Страх, страдания, надежда, любовь как экзистенциальные характеристики человека // Философия и культура. 2010. № 8. С. 50-56.

References (transliteration):

1. Akhmatova A. Beg vremeni. (URL: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/ahmatova17.html>).
2. Bettel'kheim Bruno. Prosveshchennoe serdtse. (URL: <http://ihavebook.org/books/11794/prosveshchennoe-serdce.html>).
3. Berdyaev N.A. Ekzistentsial'naya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo. Gl. V. Stradanie. (URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyaev/berdyaev_n_ekzistencialn/5).
4. Frank V. Chelovek v poiskakh smysla. M.: Progress, 1990. 366 s.
5. Gaidenko P.P. Filosofskii slovar'. 8-e izd., dorab. i dop. / Pod red. I.T. Frolova. M.: Respublika; Sovremennik, 2009.
6. Gogol' N. V. Revizor. 1836. Deistvie 3, yavlenie 5. «Ved' na to zhivesh', chtoby sryvat' tsvety udovol'stviya». (URL: http://modernlib.ru/books/gogol_nikolay_vasilevich/revizor/read/).
7. Gurevich P.S. Psikhooliz. T. 2 Sovremennaya glubinnaya psikhologiya. M.: Yurait, 2013. 564 s.
8. Dostoevskii F.M. Brat'ya Karamazovy. Chast' vtoraya. Kniga pyataya. Glava IV, Bunt. (URL: <http://ilibrary.ru/text/1199/p.36/index.html>).
9. Kamyu A. Buntuyushchii chelovek / Per. s frants. I.Ya. Volevich, Yu.M. Denisov, A.M. Rutkevich, Yu.N. Stefanov. M.: Izd-vo politicheskoi literatury, 1990. 296 s.
10. Nitsshe F. Sochineniya v 2 t. T. 2 / Per. Yu.M. Antonovskogo. Pod red. K.A. Svas'yana. M.: Mysl', 1990. 175 s.
11. Tolstoi L.N. Anna Karenina. M.: Pravda, 1987. 495 s.
12. Tolstoi L.N. Kreitserova sonata // Tolstoi L.N. Sobr. soch. v 12 t. T. 11. M.: Pravda, 1987. Glava XVIII. S. 97-173. (URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0240.shtml).
13. Tolstoi L.N. Put' zhizni. M.: Vysshaya shkola, 1993. 527 s.
14. Tolstoi L.N. Smert' Ivana Il'icha // Tolstoi L.N. Sobranie sochinenii v 12 t. T. 11. M.: Pravda, 1987. S. 42-97.
15. Frank S.L. Smysl zhizni // Voprosy filosofii. 1990. № 6.
16. Zelinskaya A.N. Smysl zhizni kak chelovecheskii ekzistentsial // Psikhologiya i psikhotehnika. 2013. № 6. S. 529-535. (DOI: 10.7256/2070-8955.2013.6.6995).
17. Eliseeva N.V. Pogranichnye situatsii v ekzistentsii // Psikhologiya i psikhotehnika. 2013. № 4. S. 328-337. (DOI: 10.7256/2070-8955.2013.04.3).
18. Gurevich P.S. Ram Dass: Tonkoe ravnovesie sostradaniya // NB: Psikhologiya i psikhotehnika. 2013. № 7. S. 41-76. (DOI: 10.7256/2306-0425.2013.7.10432. URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_10432.html).
19. Vainshtein A. «Kogda tochka v samom nachale» (ili aktual'nye rassuzhdeniya na dalekuyu temu) // Psikhologiya i psikhotehnika. 2010. № 6. S. 9-31.
20. Li S.M., Loginova E.G. Strakh, stradaninya, nadezhda, lyubov' kak ekzistentsial'nye kharakteristiki cheloveka // Filosofiya i kul'tura. 2010. № 8. S. 50-56.